

Татьяна
Алферова

ТЕРРИТОРИЯ

Издательство
Геликон Плюс

Татьяна Алфёрова
Территория Евы

«Геликон Плюс»

2015

Алфёрова Т. Г.

Территория Евы / Т. Г. Алфёрова — «Геликон Плюс», 2015

В шестую книгу стихов петербургской поэтессы Татьяны Алферовой наряду с новыми вошли избранные стихи из предыдущих сборников, небольшая часть из неопубликованных, а также из шуточных материалов «Пенсил-клуба».

© Алфёрова Т. Г., 2015

© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Новые стихи	8
История	8
1. Адам	8
2. Яблоко	8
3. Дорога	9
4. Ева	10
5. Змей	10
6. Звезда	11
7. Старик	11
«Конечно, гитара простая...»	13
Ливия	14
«За тем окном по вечерам шел дождь...»	15
Злость	16
1	16
2	16
«Где же эта женщина-жизнь...»	18
Скиф	19
Протей[1]	20
1	20
2	20
3	21
4	21
5	22
«Родившись, слово кричит...»	23
Детектив	24
«Декабрь. Страна взыскует эпилога...»	25
«Волнуемся, что уготовит завтра...»	26
«Вы встретите меня...»	27
«Ты уезжаешь – трус или герой...»	28
«Бабым летом луны улыбка...»	29
«Можжевельника столб зеленый...»	30
«Когда алкоголь наконец-то смывает сор...»	31
«Смерть бабочки нежнее, чем смерть жука...»	32
«Флоренция, надменная старуха...»	33
«Усталый Рим, и усталость по всем статьям...»	34
«Вновь июнь прошивают щеглы...»	35
Круиз по Карелии	36
Дыхание	37
1	37
2	37
3	37
«Вопрошать с кокетством живых у мертвых...»	38
«Осень скачет, скачет осень сама...»	39
«Слепая суeta в просторном стойле лета...»	40
«Любившие меня! Из пустоты...»	41
Станция Горелово	42

«Где зеркальце, расческа и духи?..»	42
«Выведи меня. На зимний день...»	44
Попытка античного пейзажа	45
Гелла[2]	46
«Внезапно кончилась зима...»	47
«Эти жалобы, без обращения письма...»	48
«Воздух сгустился. Огонь осторожно...»	49
«И тогда я вышла в этот дождь...»	50
«Присела на край кровати...»	51
«И снова будут шорохи дождя...»	52
«Честное слово, там что-то еще происходит!..»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Татьяна Алфёрова

Территория Евы (сборник стихотворений)

В оформлении книги использованы обложки предыдущих изданий:
художники А. Алферов («Станция Горелово»),
А. Борков («Лагуна»), М. Едомский («Перелесок»,
«Из матиалов Пенсил-клуба»),

В. Меркушев («Переводные картинки»),

М. Эльберг («Оговорки»)

Книга издана при поддержке министерства культуры Российской Федерации и Союза Российских писателей

© Алферова Т., текст, 2015

© «Геликон Плюс», оформление, 2015

Новые стихи

История

1. Адам

Вот я! Направо пойду
или налево,
ночью в саду
всё на виду.
Где моя Ева?
Тихо лежат в тихой траве
головы яблок...
Может, левей? Может, правей?
Яблока зяблик
спрыгнет в ладонь —
ну-ка согрей!
Что за напевы?
Песню другую учи скорей:
«Где моя Ева?»
Тучи гремят, тучам смешно:
землю замесят;
неба пузырь — темной мошной,
щелкает месяц.
Тело горит, мысли горят,
жарит до дрожи.
Вот я — опять! Вот я — подряд!
Что же ты, Боже!
Речка, как змей, вспыхнет в ночи:
слепну от гнева.
Лучше вообще —
Вот я! —
молчи,
где моя Ева.

2. Яблоко

Возвращаюсь в наш сад
ниоткуда, не важно откуда,
где смородинкой души висят
в ожидании чуда.
Пахнет мокрою тряпкой в сених:
август влажен и домик наш влажен.
Народившихся бесенят
хор — покамест — неслажен.
Скинёт яблоня плод,

розовеющий нежно,
как девичий живот.
Вот он, знак, он, конечно!
Подберу, приминая траву
у щербатой калитки:
мы же здесь, мы вчера, наяву...
Ева! Даже улитки
в этой влажной зеленой тени,
как на грех, все по парам...
Если хочешь, слова измени,
если хочешь, пейзаж измени,
если хочешь, меня измени
за себя.
Нежным даром
ляжет яблоко-паданец в пясть,
но ожжет лабиринт червоточин.
Нет, не ты нашалила – упасть,
пляшет змей,
в безупречности точен.

3. Дорога

Дорогу меняют, дорогу.
Отвалов вздымают гряды.
Но как же теперь я —
не к Богу —
ну как я домой попаду?
Из леса, где звонкие ели,
с лугов, где гудение пчел,
домой возвращаться умели —
что нынче тропы не нашел?
Была она еле заметна,
отчаянно просто тесна,
змеиной повадкой кометы
ее пролагала весна.
Дорожкой пошире – грунтовой —
решили ее заменить.
Сюжет подверстали готовый,
продернули вывода нить:
чем шире – двоим одиноче,
друзья наплзут по пути...
Тропинки волшебные ночью
всегда мы умели найти,
ужели в попутчиках дело,
не то – в ширине колеи?
Тебе, может быть, надоело
в саду наши ночи слоить?
Дорогу меняют широко,
и взгляд убегает, как тварь.

Куда же мне, Ева?
Дорога —
не Библия. Только букварь.

4. Ева

Ты строил ее, дорогу,
чтоб было мне проще уйти.
Не надо, ей-богу, к Богу —
да с Богом ли на пути?
Ты сам...
Ладно, я сама-то...
Мы оба: Цезарь и Брут.
Не взяли уже в солдаты,
в певцы еще не берут,
наскучил тебе наш садик,
кипильные будней щи,
и даже наивный цадик —
Не там, — объяснит, — ищи.
А змей...
Был ли змей, мой милый?
Не вынести пустоты.
Я, женщина, изменила.
Несчастен. Свободен ты.

5. Змей

Сад невелик, деревья низкорослы,
хоть август царственен, тут неважны масштабы;
масштаб — лишь слово, сказанное, чтобы
миф адаптировать для взрослых.

Сад невелик и яблоками полон.
От кислой ревности неделю болен,
пинает, давит яблоки Адам
по всем окрестным не своим садам:

«Куда или за кем она сбежала?»
Чуть не сочувствую, а все-таки забавно:
эк, прихватило!
Яростнее фавна
по следу мчит, пожалуй.

Сад невелик, к чему искать удава?
Налево — нет, не жди удачи справа.
На что ступаешь? Под ноги смотри:
вот яблоко лежит. А я — внутри.

Сомнения, Адам, страшней соблазна

для Евы пылкой и нетерпеливой:
нашептывал, и слушала пугливо,
уныло-вечный, прихотливо-разный.

Сад невелик, масштабы мира сжаты,
и то: века веков с той самой даты.
Идешь по следу – стало быть, второй.
Посмотрим, как ты справишься, герой!

6. Звезда

Кто диктует нам изнутри
это слово – одно и два?
И умри потом – не сотри,
садовая голова.

И умрешь потом, не сотрешь,
и обиду сожнешь, как рожь,
хоть лови меня – не лови
до крови.

До крови стопчи башмаки,
до десны изгрызи свой хлеб,
лгут желания-гайдуки,
но вертеп – все равно что хлев.

И она, та звезда, взойдет,
ей без нас не родиться бы.
Значит, правда есть звездочет
на звезду судьбы.

7. Старик

Наши внуки, Ева,
рассеялись, как трава.
Я почти простил тебе древо,
забыл – была ли ты неправа.
Или это не я простил,
и не я забыл,
и на прошлую жизнь, бескрыл,
как меньшей говорит, забил.
Обернешься, Ева, цветы
над травой цветут;
вспоминаешь, Ева, где ты,
где тебя не ждут.
И ударит вдруг,
словно яблоком, Архимед,
что любовь, мой друг,
уже не главное, нет.

Вытесняет память за слоем слой,
суеверия просятся на постой.
Возражаешь? С яблоком был Ньютон?
Никогда не умела ты выбрать тон!
Не об этом, Ева,
хотел сказать...
А лукавый слева
хохочет: «За память – пять!»
Мы заучим внуков по именам,
но во сне молодые жены приходят к нам...
Я любил,
я от ревности мертв лежал,
только годы – ил,
затянул, обжал;
как мне жаль, любимая многожды, —
ил и тлен...
Что ты медлишь, возчик, трогай же
в новый плен!

«Конечно, гитара простая...»

Конечно, гитара простая
уступит эоловой арфе.
Но, о Марии мечтая,
женятся все же на Марфе.

Марии супружество тесно
в безветренном гомоне комнат,
супругу же – мясо и тесто,
но арфу нет-нет да вспомнит.

Гитара поет, как умеет,
за ужином и за обедом,
и Марфа ступает прямее
к своим невесомым победам,

ей ревность наводит морщины,
но некогда плакать супруге...
Ждут песни порою мужчины,
Где звуки, что ветер, упруги.

Сочувствуют Марфе все чаще,
но тихую песню слагая,
споткнешься о звук тот звенящий:
была же не Марфа, другая...

Ливия

О, Ливия-Оливия, сегодня
мир-Себастьян ведет себя как сводня
и, кажется, отдать тебя готов
Мальволио и сотне прочих ртов.

В зеленом платье ты на школьной карте,
не зная о грядущем страшном марте,
песок пустыни сыпала в залив,
по локоть пляжи лихо заголив.

Стремительно, как пыльное сирокко,
выходит миру срок всегда до срока:
в пространстве ли, во времени изъян?
Под стрелами погибнет Себастьян.

«За тем окном по вечерам шел дождь...»

Памяти А. Г.

За тем окном по вечерам шел дождь,
а по утрам скакали кони;
когда особенно не ждешь,
шли лепестки на подоконник:
сквозь переплет вишневая пурга
казалась вчетверо пургою.
Ночь наставляла месяцу рога,
ждала: окно открою.

Подковы цокали, взлетали гривы в такт,
неспешно вишни вызревали,
заканчивался лета третий акт,
темнело в зале.
За тем окном сидели у стола
в сквозной беседке, хмелем не заросшей,
мы прежние, и ночь текла...
Стекла
в тот вырубленный лес за рощей.

Злость

1

Тревоги и света сад полон.
Что же мешает грозе
тремолло колоколен
тучи над садом раздеть?
Копятся в небе заряды.
В мае, порой, говорят,
вишен цветущих наряды
точно горячий яд.
Сбивается злость комками,
молча тюльпаны кричат,
а жизнь для новых капканов
года плодит, как крольчат.
Простишь с облегченьем себе же
невнятный год в суете,
и если звонят пореже
друзья, но все те же, те!
Забудешь того, кто разрушил,
желанием пьян, сатир,
не сад твой, яблони, груши —
лишь герметичный мир;
забудешь и тех, кто вспомнил —
яблоком – злой совет,
и даже того, кто в полдень
вырубил солнечный свет.

Но злость, ах, мой яд горячий,
горючий нетрезвый яд...
Проходит гроза над дачей,
и вишни в цвету стоят.

2

Натоплено в комнате, душно,
раскрылись от жара тюльпаны;
на холод их вынести нужно:
все вазы, кувшины, стаканы,
все емкости, полные цвета.
Тюльпан изнутри, как извне,
прекрасен в движении света
на темном вечернем окне.
Вишневые пахнут поленья,
и лампочка льстит в сорок ватт,
но что же все злее и злей я?

Иль дождь за окном виноват?

«Где же эта женщина-жизнь...»

Где же эта женщина-жизнь
в мокром от росы платье?
Хендрикье глядит, опершись,
переплет оконный – объятья.
Не уйдет, не убежит в тень,
руки тяжелы и красивы.
Эту жизнь во что ни одень,
все равно услышишь – спасибо.
Краткий мир и яростный быт,
где мечты – и те агрессивны,
летними дождями разбит.
За дожди ей тоже спасибо!

Скиф

В степи ты видишь чужака издалека;
в траве, как на лошажем рыжем крупе,
его неровного движения блоха
твою стрелу закрутит.
Там разберемся: лох он или вой,
конь мохноногий под тобою дышит чаще.
Что чужаку служило головой,
тебе послужит чашей.
Положим склоном плавится гора,
твой рыжий конь под солнцем догорает.
Узнаешь, как история карает,
Сегодня ты. Но жертва – та вчера.

Протей¹

1

Не Посейдон – изменчивый Протей
там горизонт сминал неторопливо,
Эвксинский понт, сомлевший до залива,
срывался в хаос просто, без затей,
где в жар и холод берег, словно жен,
кидает перед первым бабьим летом,
и в общем-то не надо быть поэтом,
чтобы понять, что в вечность погружен.

Мне будет холодно и жарко, но потом.
Протей и сам сегодня в лихорадке —
но от простуды.
Привкус кисло-сладкий
у воздуха,
и грозди под листом.
Лист сохраняю, пусть посмеется, пусть,
тот виноградный, все еще зеленый,
и море фыркнет влагою соленой,
и берег – пуст.

2

Я пролетаю, милый мой Протей,
над миром, да, и просто пролетаю.
Мне в сердце нитку горечи продень —
любовью залатаю.
Здесь, в воздухе, позорно отстаю
от моря твоего глубин невнятных,
пора привыкнуть, что не в такт пою...
Ты помнишь на клеенке рыжей пятна
(хотя от винограда – не вина,
тем более, мой милый, не от страсти...)
А помнить в этих водах имена —
смешнее нет напасти.
Хотя бы запах мой запомни или звук,
кому поверю, мой Протей неверный,
и нету в мифологии подруг:
подглядывать за дверью.

¹ Протей – в древнегреческой мифологии сын Посейдона, божество, обладающее даром провидения и постоянно меняющее внешний облик. Узнать истинный лик Протея можно, лишь крикнув его правильное имя.

3

Я знаю – не узнаю,
вчера сказав «пока»,
хоть рядышком летаю
так близко в облаках,
назавтра зверем прянет
изменчивый Протей,
где кнут его и пряник,
соблазны скоростей.

Мое пусть ниже небо,
но вот переплелось,
все ж божеству нелепо
вверяться на авось,
и дальше потому-то,
как лев или олень,
не тратит ни минуты
и обернуться лень.
И дальше – рыбой или
сверкающим ужом.
Я не предам, я имя
не крикну ни при ком.
Так неостановима
имен его игра,
но помню то лишь имя,
что назвала вчера.

4

Мне легче представить любимых богами,
чем недостижимей милый – верней.
Не камушек сердце, не камушек – камень,
я ложе хотела б сложить из камней.

Для женщины ложе – и ложь, и защита,
солгав же, любимые, вас не предам,
а вечность – не спальня, и вечность открыта
для тех, кто не ищет ходить по следам.

Ловить подтверждения любви ежечасно
свирелью и солнцем, витком на волне,
и нежно забытой, и сладко несчастной
остаться печатью на небе, вовне.

Дождем золотым, полоумным Ураном
прикиньтесь,
по имени не назову;

объятием, светом зеленым и странным,
созвездием падаю в синеву.

5

Как драгоценности, спят под крылом города,
золотом вздрогнут, лениво блеснут сердоликом...
в этом пространстве высоком и черном, и диком
только одно и останется – робкое «да».

Только один тот холодный разбросанный свет
да облака, незаметные ночью, но рядом
свой бивуак растянувшие легким отрядом,
и без вопроса теряющий силу ответ.

Дремлет Луна, обернувшись вуалью гало,
камушком «да» – к несгорающим звездам колодца,
освободившись, взмываешь;
одно остается:
молча гадать по созвездьям,
куда повлекло.

«Родившись, слово кричит...»

Родившись, слово кричит,
само кричит, как младенец.
Горячие кирпичи
куда из-под ног ты денешь?
Так тысячу лет тому
в шатрах ли, в степи рожали,
курились костры, в дыму
в полшепота кони ржали.

Рождения слов боюсь,
но волоком чья-то сила —
Поешь? – спросит. – Пою,
с потугами замесила,
ждала злую тысячу лет,
и вот рождается слово...
Не убрано на столе,
закружится бесполово
мой дом, не готов, не чист.

Но слово – оно не спросит:
подсунет зеленый лист,
пока не сжевала осень.
Рожай! – по прожилкам сок
густой, закипев, ярится. —
Кричи! – и немой листок
моей шелестит страницей.

Детектив

Судья находит труп в библиотеке
под Рождество, в полночной тишине;
блондинка! Их весьма ценили греки,
но свежих и живых, а эта – не:
зрачок уплыл, и кудри потемнели,
пропитан кровью щегольской ковер...
Судья кричит, и гости из постели
слетели, словно мухи, в коридор;
а дом в сугробах по уши, понятно,
и телефонный кабель перебит...
Лакей, что снаряжен отчистить пятна,
к обеду умирает, паразит.
Случайно выясняется: кухарка
по совместительству – любитель-детектив.
Идет допрос. Гостям на кухне жарко.
Кухарка же, готовить прекратив,
идет по следу, что твоя собака.
Проходит день, являя новый труп.
Гостям уж надоело, лучше б драка!
Судья-хозяин неизменно туп,
убийца, как положено по жанру,
всех незаметней – человеко-мышь.
Пора, ей-богу, сделаться пожару,
но дом в сугробах, как тут возгоришь!
Убийца заскучал, скучают гости,
зевают автор, а читатель спит...
Встряхнет перед броском кухарка кости,
недюжинный являя аппетит,
пойдет и – как обложит интригана,
подставить замышлявшего судью!
Дойдя до точки этого романа,
пойду и я кого-нибудь убью.

«Декабрь. Страна взыскует эпилога...»

Декабрь. Страна взыскует эпилога.
Верстаются итоги. Ночь растёт.
Распутица, набухших туч молока,
но снега нет. Зима ведет отсчет
календарем, не снегом. Дождь лупцует.
Друзья болеют. Истерит эфир.
Наряженные елки на плацу, и
такое чувство, что болеет мир;
пускай быстрее взорвется, но петардой,
но праздником расцвечивая путь,
пусть снежных баб скорей нальются ядра
и сбудется хотя бы что-нибудь!

«Волнуемся, что уготовит завтра...»

Волнуемся, что уготовит завтра,
к чему проснемся оба, ты и я,
уснув сегодня головой на запад
в своей скупой скорлупке бытия.
Где воля, где простор? Мы все же скифы!
Нам наплевать на свист со стороны!
Но нами движут, нам в отместку, мифы
и вера в совпадения и сны.

«Вы встретите меня...»

Вы встретите меня
в том призрачном вокзале,
где поезда, звеня,
замрут – едва назвали,
едва произнесли
пункт назначения: здесь.
Транзитом круг земли,
и высадишься – весь.

Вы встретите – опять
меж делом и беспечно.
Нетерпеливо мять
билетик на конечной,
покуда проводник
(наверно, ваш читатель)
приотворит ледник
грядущего нехстати.

Лучи седой луны,
огни усталых станций
тоской облучены:
забыть, отстать, остаться
в том холоде, в снегу
замерзшею синицей...
Когда-нибудь смогу
привыкнуть – не смириться.

«Ты уезжаешь – трус или герой...»

Ты уезжаешь – трус или герой,
я не узнаю,
время не для сечи.
Второй и первый,
первый и второй
равно бесчеловечен, изувечен
неверными словами наших дней;
листают иронист блокнотик в спешке,
ловя вниманье,
но чуть-чуть промешкал,
и немота сдвигается тесней.

Ты уезжаешь... Стой!
Помедли так,
не оглянувшись,
у дверей в прихожей,
чтоб – в спешке не застегнутый пиджак,
чтоб тенью смазанной,
мгновенно непохожей,
чтоб не рукой, но словом в пустоте:
– Вернешься? – Нет!
Но если ты захочешь...
Молчат вороны, жаворонки, кочет.
И время не для нас. И мы не те.

«Бабым летом луны улыбка...»

Бабым летом луны улыбка
не сулит уже чудеса,
самолета задорная рыбка
зарывается в небеса,
стены в звездочках косеножек,
дом по осени темно-желт;
стылым вечером память множит
рой прорех, пожирая шелк
шелестящих надежд, а планы
неприемлемы и желанны.

В сентябре гонг гудит – смириться!
Грянет хладная чистота
с первобытной зимней страницы,
будет память, как снег, чиста.
Эта память, злая невеста,
вечно кутается в фату...
Что за свадьба! Поминки б – вместо,
обойти ее за версту!
И созвездья тасуют звезды,
Забывая, что мир наш – создан.

«Можжевельника столб зеленый...»

Можжевельника столб зеленый,
фатоватые клены,
клин гусей за сарай относит,
в небе – осень.

Заблудился комар в паутине,
небо волглое сине.
Что друзей мне ведешь посторонних,
осень-сводня?

«Когда алкоголь наконец-то смывает сор...»

Ирине Знаменской

Когда алкоголь наконец-то смывает сор,
дела не мешают и стыд не настолько горек,
что вспомнить не страшно один заповедный спор,
в ночи прошуршавший, как галька на выдохе моря,
когда понимаешь: напрасно множить слова,
вершину возьмет не герой – единение слабых;
когда не надеешься – новые деревья
покроют ее, восставят зеленой лавой;
когда догадаешься: было непросто, но
так подлинно, ясно в наивности той небесной,
помедли, и улыбнись, и допей вино,
покуда еще ты вне.
То есть ты – над бездной.

«Смерть бабочки нежнее, чем смерть жука...»

Смерть бабочки нежнее, чем смерть жука,
и горихвостку жальче, чем ворону.

Мы обращаемся к событиям похоронным,
примериваясь вскользь, издалека.

Нам кажется, что есть – он есть? – порог
для милого в сравненье с повседневным;
но смерть приходит буднично, не гневно,
макая всякого в определенный срок.

В летейских водах пестрая пыльца
мешается с хитиновым покровом,
захочешь разделить – родись Хароном
и смерть лови на леску на живца.

«Флоренция, надменная старуха...»

Флоренция, надменная старуха,
не ярость копит – вековую ругань.
Со всех углов, со всех сторон брюзгливый Дант.
Одна усталость – яростный талант.
Не отличу фасада от фасада:
дома – как черти, плоские вне ада.
Идти. И я иду куда-нибудь.
Судьбу маршрута не переобуть.
Слепые манекены вслед хохочут
над тем, как спотыкаюсь к Санта-Кроче.
Здесь колокольня высока, как мода,
и обе недоступны для народа.
Флоренция терзает, как мозоль,
и, сколь ты троп туристских ни мусоль,
останешься, чужая, в дураках,
с грошовым сувенирчиком в руках.
Вслед расщеперив створчатые ставни
Флоренция еще надменной станет.

«Усталый Рим, и усталость по всем статьям...»

Усталый Рим, и усталость по всем статьям.
Особенно ноги гудят. Под блузкою – пекло.
Дороги запутаны, как строка, как здешний тимьян,
что кверху по стенам длится и тянется блекло.

Уже улыбнулась волчица: зеленый оскал,
зеленый загрибок, в сосцах запутались дети.
Возможно, ты что-то особенное искал?
Возможно, дороги? Но только не эти.

От вечности нас милосердно спасет суета.
Подумать-то жарко, что б стало – замри у дороги...
И задним числом догадаешься: именно та.
Буквально стоял, то есть шел
у нее на пороге.

«Вновь июнь прошивают щеглы...»

Вновь июнь прошивают щеглы,
реет в воздухе желтая стежка.
Лгут предметы, зря падает ложка:
нет гостей. Обступают углы,
стены сходятся – шаг не ступи,
летний дом – нескончаемый угол —
словно света, обид накопил,
пруд ночами ярится, что уголь.

Отзвонившись, друзья за «алло»
успевают простить и проститься,
имена завернутся страницей:
пролистнул за июнь – отлегло.
Номера, адреса, голоса...
Это близость? Формально и кратко?
Но щеглы шьют июнь аккуратно:
на изнанку – обид полоса,
угол на угол – память зашить.
Что за счета коротеньким летом?
Допорхать, досвистеть, дорешить...
Наплевать: во главе или следом.

Круиз по Карелии

Здесь берега обрывисты, поджары,
стеною лес и редок сухостой.
Флирт на корме. Танцующие пары.
Соседствуют Дзержинский и Толстой.
Кончается экскурсионный выезд
(«Толстой», «Дзержинский» – имя кораблей).
Здесь из Карелии турист успешно вывез
на память сувенир – запечатлей!
Пусть за кормой навязчивей Эриний
летит полночи чаячья толпа,
флирт на корме – почти что бокс на ринге,
но здесь Фемида более слепа.
Нелепей дев и дам-сорокапятков
лишь ухажеры с животом наперевес,
их до ороговевших желтых пяток
пронзает неба палевый обрез,
лиловые поляны иван-чая,
в два дерева скупые островки
и снова толпы чаек, крики чаек
над сморщенным течением реки.
Нелепый флирт заря осудит гневно.
Пусть пары до отчаянья смешны,
сочувствуешь любовникам трехдневным,
и даже пояснения не нужны.

Дыхание

1

Объяснения, долги, неликвиды,
как потешный девиз «Будь готов!»,
я всегда оставляю на выдох,
забывая порою про вдох.

2

Не поймешь, чего и хочется
посреди июля вечером!
Вот луна – еще пророчица! —
облаками вся заверчена;
лгут цикады шепелявые,
обещают всё по правилам,
и туманы над полянами —
их жара солгать заставила.
Что за лето – только выдохнуть
эту спешку, подорожники.
Остаешься – в сердце выдолбы
и с ладонями порожними.

3

Оставь наконец этот выдох,
пусть радугой тянется вдох;
вот-вот задохнешься и выдашь —
июль входит в траурный док;
и август торопит бесслезный —
он, царственный, ждать не привык,
уже наливаются звезды,
кончается летний дневник.

«Вопрошать с кокетством живых у мертвых...»

Вопрошать с кокетством живых у мертвых
«как вы там?» – не то «как без вас теперь?»,
опошляя строку в заученных твердых,
то есть «гнать» и «видеть, держать, терпеть»...
У несчастья глаголов немного, разве
на один, безысходный, от счастья в плюс:
«умереть», а дальше с полудня праздность,
никуда сегодня не тороплюсь;
не напиться: похоже, коньяк стерилен,
то есть мне без градусов им «дышать»,
то есть что б о спряжениях ни говорили,
«ненавидеть» проще, чем «возвышать»;
и от серых выдохов угорая,
от верченья мышей на могиле льва
догадаешься: смерть – вторая,
а молва – вообще нулевая,
только Он и умел для края,
для предела найти слова.

«Осень скачет, скачет осень сама...»

Осень скачет, скачет осень сама,
с нею ветер – у груди злой шаман;
разгуляться, раскидать все дома,
чтоб соперница не скрала – зима,
чтоб не скрыла под периной тугой
кровь и золото, тот свет дорогой.
Чтобы всё прожить сейчас, оборвать,
колыбелью прирастает кровать:
хочешь, в мае, хочешь, летом роди —
и другой шаман вскричит у груди.

«Слепая суета в просторном стойле лета...»

Слепая суета в просторном стойле лета,
крушение жары, осоки вошкотня,
биение смолы в грудных еловых клетках
и выцветший узор оконного огня.

Толкается, орет летающая мелочь,
такая же – что здесь, что посреди войны,
которая опять прерваться не сумела,
чтоб барабан ночей нам выбил тишины.

Слетает тень с кустов и падает на склоны,
и тень ушедших нам под нею не видна.
Их продолжают мчать идеи, эшелоны,
прожорливая ночь и спелая война.

«Любившие меня! Из пустоты...»

Любившие меня! Из пустоты
октябрьского чернеющего лона
через ветвей артритные персты,
забывших ту сумятицу влюбленной
в неверный ветер рощи молодой,
над паутиной, воздухом влекомой
куда угодно, только не домой,
спрошу, закинув голову: «Легко вам?»
Молчат деревья. Складкой облака
луну и звезды схлопывают на ночь.
Когда-то ввали, что печаль легка,
а нынче новый Вячеслав Иванович
лепечет о фрустрации вовне,
и осень запрокинется в войну.
Но самый юный из сгоревших в жерле сна
расскажет мне, чем кончится война.

Станция Горелово

ТАТЬЯНА АЛФЕРОВА

СТАНЦИЯ
ГОРЕЛОВО

«Где зеркальце, расческа и духи?..»

Где зеркальце, расческа и духи?

Все так размыто, так недолговечно.

Запутавшийся в стеблях трав кузнечик —

день завтрашний. Какие пустяки
меня одолевают. Что гадать
о будущем, когда мы пролетели
транзитом станцию и две недели
в корзину бросили, чтоб снова все начать!
Да только остановки нет и нет.
Кто знает, что действительно весомо?
Где ждать нас? Мы нигде не будем дома.
Мелькающий царапающий свет.
Чем дальше, тем скромнее мой багаж.
Воспоминанья легче, чем прогнозы.
Как хороши, как свежи будут розы,
когда я спрыгну... Руку мне подашь?

«Выведи меня. На зимний день...»

Выведи меня.
На зимний день.
Под мохнатые оснеженные ветки.
Воркотаньем голубей меня одень,
чтобы было что подсматривать соседке.
Коридора дуло – черная дыра.
Отойдем подальше, чтоб не обстреляли.
Я придумала слова еще вчера.
Рук участие в старинном ритуале.
Не гляди вокруг, а только вниз,
на мое лицо. Дышать как сложно!
А на небе, хохоча, завис
диск оранжевый, нахальный, невозможный.

Попытка античного пейзажа

Неторопливое солнце взошло над заливом.
Влажно вздохнули луга, пробудившись для пиршеств.
Звук прокатился блестящей овальной маслиной,
синим сутулым бакланом заплакал на пирсе.
Пальмы скульптурно в несмелых лучах отвердели.
Мелкий потешный божок, подвернувши копытце,
тужится звуки извлечь из короткой свирели,
над экзерсисом смеются ревнивые птицы.
Вне композиции, неторопливее солнца,
с нимбом из роз алебастровых окоченевших,
в позе парад принимающего Македонца
бог грузнотелый раздумчиво бороду чешет.

Гелла²

Голубое по бокам и сверху небо.
Голубое под ногами, снизу, море.
Быстроногий овен – солнечная небыль —
аккуратные копытца в шелк уронит.
Золотые завитки скрывают очерк
плавных маленьких ступней. Эфир недвижим,
и горит лицо, но ветер знать не хочет.
Тишины такой вовеки не увижу.
Потерялся златорунный малый плотик.
В этой сини все дороги равнозначны.
Точно так же поглядит супруга Лота.
– Не гляди! – Я не гляжу. Я не заплачу.
Эта синь обманывает разум!
Я не выдержу недвижимого бега.
А внизу? – Нельзя смотреть! Сорвешься!
– Разве
там, внизу, и правда море, а не небо?
Может, мы уже Колхиду пролетели,
виноградники под нами, кипарисы.
Если ж небо, что бояться в самом деле,
Ведь у неба нету верха или низа.
– Не гляди! – Я не гляжу... Там море, море!
Мы повисли в центре мира, посредине.
Как кружится голова. Понесся овен.
Голос рвется. Волны вздыбятся. Отхлынут.

² В греческой мифологии дети беотийского царя Гелла и Фрикс, спасаясь от мачехи, бежали на летающем золотом баране, присланном их матерью Нефелой, том самом баране, чье золотое руно позже добыл Ясон. Гелла посмотрела вниз и упала в море, это место назвали Геллеспонтом, морем Геллы (Дарданеллы). А Фрикс благополучно добрался до Колхиды.

«Внезапно кончилась зима...»

Внезапно кончилась зима
#####в моем лесу.
Знаю, не встречу в редких кустах
#####ни лисенят, ни лису.

Я – последний из племени,
но нас не учили плакать.
Свернусь под стволами белыми
острой мордой на черные лапы.

Листва прошлогодняя прелая
с землею – почти одно.
Там, где мы норы делали,
дикий пророс чеснок.

У голода свои правила:
пора идти на охоту.
Последняя мышь оставила
след на краю болота.

Затянет ржавая вода
#####пугливый след.
В лесу затерянном мне бродить
#####сколько осталось лет?

И, как в детстве лисица-мама
нам лизала продрогший бок,
шкуру тронет лучом усталым
солнце – рыженький лисий бог.

«Эти жалобы, без обращения письма...»

Эти жалобы, без обращения письма.
Подтверждение – в чужом – своего.
Под стропилами ласточка пискнет.
Не беда, мой дружок, ничего.
Мы еще поживем, перемелем
эти жесткие зернышки дней.
Да всего-то прокралась неделя,
как куница по дреме ветвей.
Мы с тобой спали слишком спокойно,
пробуждаться теперь тяжело.
В перелетах далеких никто не покормит,
над водою натрудишь крыло.
Ты хотела вернуться туда, где медовый
запах клевера ветру знаком?
С каждым взмахом —
все дальше от дома.
А он был – этот дом?

«Воздух сгустился. Огонь осторожно...»

Воздух сгустился. Огонь осторожно вздохнул.
Что-то возникло едва уловимо, неясно.
Кто пошутил и пространство, как коврик, свернул
с нами внутри?
#####Дверь, участвуя в сговоре, лязгнет.
Наши слова – они значат не больше, чем дробь
камешков горной дорогой по днищу повозки.
Так – для сравнения – живые ступени метро
сами тебя передвинут из плоскости в плоскость.
Можно до боли обняться – останется пласт
жесткого воздуха, ясного и ледяного.
В пламени – хвост саламандры. Огонь не погас.
Все, что привычкой разъедено, кажется ново.

«И тогда я вышла в этот дождь...»

И тогда я вышла в этот дождь,
чтобы принести на стеблях капли.
В изжелта-табачном вздохе спальни
были сожаление и злость.
Ворох лепестков нарушил ток
мягкого, тягучего, сенного.
Нервно передернулась дорога
к станции. А солнечный желток
все скрывался в дымке-скорлупе.
От земли дрожал черничный запах.
Влажные нарциссы, словно запань,
преграждали путь к твоей руке.

«Присела на край кровати...»

Присела на край кровати.
Безмятежно и просто.
Дождь виноват. Эти капли
на смуглой коже.
Лесной цветок в бутылке из-под бальзама.
Птицы молчат.
Паук зашивает угол.
Светает.
Дремлет черная кошка на крыше сарая.
Лужица ожидания.
Ветер стихает.

«И снова будут шорохи дождя...»

И снова будут шорохи дождя
и силуэт в заплаканном окне,
и женщина другая, уходя,
вдруг обернется – память обо мне.

Помедлит на пороге: с кем, когда
уже случилось? Камушком с горы...
Как будто в незнакомых городах
идешь через знакомые дворы.

«Честное слово, там что-то еще происходит!..»

Честное слово, там что-то еще происходит!
Но, кроме солнца, заведомо неразлично.
Нет перемены важней перемены погоды:
что мне обути, если вдруг сапоги не починят?

Люди весной примитивней разбуженных почек:
тянутся книзу глазами, а небо-то – сверху!
В графике лиц узнаваем навязчивый почерк
Города – мастера сжатых домами проспектов.

Но под асфальтом чухонское дрогнет болото,
свеже-зеленою шкурой пустырь прорастает.
Что купола... Воробьиного хватит полета,
Чтобы увидеть – жизнь наступает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.